

*Памяти 138 сотрудников Публичной библиотеки в Ленинграде, погибших в
блокадную зиму 1941/42 года*

В кабинет директора библиотеки Елены Филипповны Егоренковой, в котором ютились немногие читатели, вошел военный. На миг он задержался на пороге, оглядывая комнатку. Потом, почувствовав тепло от единственной топившейся еще в библиотеке печурки, он поспешил закрыть за собою дверь и направился к дежурному библиотекарю.

– Здравствуйте, – сказал он, снимая ушанку. – Мне срочно необходима такая книга. – И он протянул женщине вырванный из блокнота листок.

Библиотекарь взяла листок и с усилием, опираясь руками о стол, поднялась.

– Посидите, – глуховатым голосом проговорила она. – Я сейчас.

– Слушай, Юла́, – обратилась к ней другая сотрудница, постарше. – Может, лучше мне пойти?

Но Юла́, не ответив, вышла из комнаты... Сотрудница наклонилась к печурке и, открыв дверцу, подбросила в огонь несколько дощечек – это были куски разломанных книжных полок. Иссохшее за годы дерево защелкало, застреляло, охваченное жарким пламенем.

– Как вы сказали? – улыбнулся, присаживаясь и потирая кулаком замерзшую щеку, военный.

Библиотекарь подняла на него глаза: спокойное лицо, негустые, с проседью волосы, обнаженный шишковатый лоб, круглый подбородок. Во всем облике мирность, интеллигентность, так не вяжущиеся с военным полушубком и лейтенантскими кубиками в петлицах. Кто он в «гражданке»? Инженер, работник исполкома, учитель? Не все ли равно, не все ли равно...

Женщина не сразу поняла, о чем ее спрашивают. Потом кивнула головой.

– Юла́. Мы, «старички», ее все так зовем. В молодости непоседа была, все так и горело в ее руках. Вот и прилепилось к ней это прозвище...

В тоне, с каким женщина произнесла слова, лейтенант уловил и ласку, и грусть, и что-то еще, чего он не смог уяснить до конца.

– Я ведь ваш старый читатель, – сказал он. – А не был здесь с начала войны. Попал сразу в армию, на фронт, и – не до того было. Но время от времени справлялся, как тут у вас. И легче, знаете, на душе становилось, когда слышал, что живет библиотека, воюет...

Лейтенант замолчал и начал с интересом осматривать читальный «зал» и его посетителей.

У стены напротив стояла витрина, а над ней висел плакат. За столом, занимавшим середину кабинета, сидели трое. С края писала что-то, не поднимая завязанной платком головы, женщина в цигейковой шубе. Лицо у женщины было серое, опухшее. От нее справа сидел старик. Резко выдавались его небритые скулы. На виске темнела глубоко запавшая вена. Он сидел закрыв глаза, о чем-то задумавшись. И, наконец, у боковой стены читал толстую книгу паренек в большой меховой шапке и новехоньком, только что со склада, ватнике. Глаза его быстро пробегали страницы, а с лица не сходило выражение озабоченности: он явно спешил. На лейтенанта эти люди не обратили никакого внимания.

Дневной свет с трудом пробивался сквозь заледенелое окно, наполовину прикрытое книгами. Случайно посмотрев себе под ноги, лейтенант увидел на полу выцветшую противогазную сумку. Из сумки торчала банка с мутной водицей, покрытая газетной бумагой. Лейтенант пробормотал что-то, расстегнул полушубок и стал ждать...

Между тем Юла́ медленно шла по коридору. В одной руке она сжимала листочек, взятый у лейтенанта. Другую, с фонарем, вытянула перед собой, освещая путь. Неяркий рыжеватый свет «летучей мыши» лишь на несколько шагов раздвигал темноту, а дальше все тонуло в непроницаемом мраке. Словно тень, мимо промелькнула чья-то фигура. Чья – Юла́ не успела разглядеть, погруженная в свои мысли.

Сегодня она чувствовала себя особенно плохо. Решительно отказывали ноги, а тут еще эта тянущая боль в икрах. Юлá пробовала растирать икры, старалась идти почти не сгибая ноги в коленях, но это не помогало. Дотянуть бы до конца смены, а там попросить Елену Филипповну разрешить остаться на ночь в библиотеке. Домой сегодня, пожалуй, не дойти...

Она повернула к выходу во двор. Уборщица куда-то вышла, но ключ от подвала, где находились каталоги, был оставлен на тумбочке. Когда Юлá толкнула от себя дверь, свет зимнего дня ослепил ее. После темноты, царившей в библиотеке, даже тусклые январские лучи резали глаза. Горло обожгло морозной свежестью. Сколько могут держаться эти проклятые холода! Хотя «фрицам», конечно, от них тоже несладко...

Юлá подошла к обледенелым ступенькам, ведущим в подвал, села, подвернув под себя шубу, и как-то неловко, на боку, подняв над головой фонарь, съехала вниз. Иначе туда было не добраться. Пальцы, поворачивавшие ключ в замочной скважине, с болью оторвались от липкого железа. Тяжело скрипнув, отошла наконец дубовая створка. В лицо пахнуло каменным холодом. Свет фонаря сжался как-то под столетними сводами, угрюмо нависавшими над головой.

По памяти Юлá нашла нужный блок и ящик, дернула ящик за скобу, но он не выдвигался. Она дергала еще и еще, но все было напрасно. В изнеможении она прислонилась головой к каталогу – никто тут ее не видел, и можно было передохнуть. Чувство щемящего одиночества охватило Юлú. Мрачное безмолвие окружало ее, и она вслушивалась в тишину, на что-то надеясь. Только раз или два снизу донеслись хлюпающие звуки: под деревянным настилом, по которому ступали валенки, стыла грунтовая вода.

И вдруг Юлá с ужасом подумала: «Что же я делаю? Ведь там ждут». Она оторвалась от каталога и всем телом потянула скобу на себя. На этот раз набухший ящик поддался. Каталожные карточки серебрила морозная пыль. Отделить их друг от друга тоже было непросто. Но вот шифр книги списан, и Юлá побрела обратно. Когда снова поднялась к свету, цепляясь за выступы

кирпичей, срываясь и обдирая до крови пальцы, она долго не могла прийти в себя. Потом пересекла двор, положила на место ключ и отправилась в фонд за книгой.

Огромное помещение фонда окутывал полумрак. Стекла в окнах были выбиты взрывом фугаски и – впервые за сто с лишним лет – по залам гулял студеный ветер. Колебались тяжелые занавески, прикрывавшие окна, и это движение напоминало о чем-то живом среди мертвого покоя фонда. Мерцали тусклыми корешками бесконечные ряды книг, истосковавшихся за месяцы войны по теплу человеческих рук. Многие полки были пусты: книги с них осенью вывезли на 'Большую землю. И эти зияющие пустоты больно ранили глаз, привыкший видеть здесь книги, а не голые стены.

Юла́ разжала пальцы и лишь тут, вдумавшись в шифр, поняла, что скрывается за его лаконичной дробью: книга находилась на самом верхнем ярусе. И Юле подумалось, что, быть может, пока не поздно, вернуться назад, этот лейтенант поймет, он должен понять... Но кто же пойдет тогда вместо нее? Нет, Юла́, отступать некуда, да и стыдно. Когда много дней подряд ты стояла в цепочке библиотекарей и с утра до поздней ночи подавала на чердак ведра с песком, когда ты потеряла счет часам, отбирая и упаковывая в ящики ценнейшие книги и рукописи для отправки в тыл, когда вместе с товарищами перетаскивала каталоги и красила огнестойким составом чердачные перекрытия, когда строила доты, дежурила ночами на вышке, ослабевшими руками очищала от снега территорию библиотеки, – тебе, и не только тебе, тоже было трудно, но вы вынесли все. И что скажет он, этот фронтовик, сидящий сейчас в кабинете?... И Юла́ шагнула к лестнице, ведущей на нижний ярус.

Прошла первые ступени, но подкосились ноги, И она села, хватаясь за стену. Холодный пот выступил на лбу. Веки глаз были прикрыты, а сердце так и стучало, так и билось, словно хотело выпрыгнуть из груди и бежать прочь от предстоящего испытания. «Тук-тук-тук!» – разрывались виски, и

откуда-то из глубины этих пульсирующих звуков всплывали слова: «Я В гору шел, а вокруг нее змеился и медленно всходил туман...»

Ни горы, ни тумана. И Юла́ совсем не думала, откуда это. Она медленно поднялась и пошла по ступенькам в такт словам: так было легче. Потом слова исчезли. Остались лестница да тяжелая голова, все время клонившаяся к ступеням. Добравшись наконец до яруса, не в силах держаться на ногах, она повалилась. Стукнул о дерево фонарь, метнулся в сторону язычок пламени и снова стал гореть ровно. Долго она лежала так, радуясь покою. И чей-то голос говорил над ней: «Алексей Иванович, а вы пробовали столярный клей? С лавровым листиком он совсем не плох. Только с вечера его намочить надо». – «Из клея получается настоящее заливное, – откликнулся кто-то. – Говорят, что он очень полезен и вполне заменяет мясо...» И тут же тихо, но отчетливо голос Вечерковой: «Товарищи! Работы немного, и что, если нам почитать Джека Лондона?» Никогда бы не подумала Юла́, что их маленький, суетливый профорг так превосходно читает. И молчала потом, потрясенная рассказом о том, как измученные люди шли по тундре навстречу жизни...

Покачиваясь, словно в лодке, опираясь о пол, Юла́ встала. Не сводя глаз с лестницы на следующий ярус, сбиваясь с прямой и снова возвращаясь на нее, она наконец достигла цели. С каждым шагом ступеньки увеличивались в размере, ноги тяжелели и все чаще задевали за края...

На этот раз она не сразу поняла, что упала. И когда лежала на лестнице, то увидела Алексея Петровича – зава. Как же сдал он за это время! Смотреть больно на его серое худое лицо, черные впадины глаз. «А помнишь, Петрович, ту прозрачную белую ночь на библиотечной даче в Куоккале? Это было накануне, когда мир узнал о нападении Гитлера. Мы вполголоса разговаривали с Пашей, а ты сидел рядом и смотрел в даль залива. Помнишь, как ошиблись мы все, приняв доносившиеся с моря разрывы за учебные? А ведь это была война... Но чего ты от меня теперь требуешь, Петрович? Чтобы на Большую землю ехала я? Но у меня же рабочая карточка, и я одна...

А это кто? Неужели я вижу Стасова? Да, это он. А с ним Брук, молоденький еще, совсем мальчик... И величественный старец, поглаживая окладистую бороду, говорит Владимиру Измайловичу: «Знайте, молодой человек, что вы делаете очень ответственный шаг в вашей жизни. Отныне ваша жизнь будет посвящена библиотеке. Сюда к нам приходит, а отсюда выносят». И вот уже нет старца, а одиноко стоит Брук, одетый в свою пышную шубу, и, словно стыдясь и пересиливая самого себя, негромко просит: «Товарищи, отрежьте ну хотя бы по маленькому кусочку хлеба...» Бедняга, он потерял продуктовые карточки и был обречен на голодную смерть...»

Повернув голову, Юлá увидела, что фонарь лежит на боку и сильно коптит. Она протянула руку и поставила фонарь прямо. После этого привстала и, обращаясь к Бруку, сказала: «Владимир Измайлович, вот, возьмите... Берите, берите, я как-нибудь обойдусь...» Но Брука уже не было. Стало темно и холодно, и она поползла, пока не добралась до второго яруса.

В начале лестницы, ведущей на следующую галерею, Юлá присела. И увидела вокруг цветы. Много, много фиалок. Их нежные, бархатистые лепестки покрывали ступени, полки и дорожку яруса, и Юлá гладила их пальцами. А когда ощутила их тонкий и такой весенний аромат, то даже вздрогнула от счастья. А вот и Федотов подбегает к ней и умоляет ее, Юлú: «Товарищ Шелехина, голубушка, выручи, возьми хоть один букетик, ведь у нас они тут завянут. А у тебя дома муж и сын, им они будут только на радость...» И тогда Юлá встает, и горько ей от завхозовых слов. «Вы разве не знаете, что мой Павлик на фронте, а не дома, и от него уже месяц, как нет писем? А сынок, Миша...» И ей тревожно при мысли о мальчике, отправленном далеко на Восток...

Юлá уже ничего не чувствовала. Переставляя перед собою фонарь, подтягивая и проталкивая вперед свинцовое тело, она ползла все выше и выше. Но на какой-то ступеньке остановилась, прислушалась. Ей почудились звуки, те самые, что жили в ней подспудно с утра, то вспыхивая, то исчезая

бесследно. Музыка росла, ширилась, и вот уже весь фонд, от края до края, сотрясали раскатистые мелодии. Звуки набегали, взрывались, сжимали сердце грустью прощания. А когда в печальном напеве послышались звуки фанфар, волна света захватила Юлú, и ей захотелось сказать о том, что таила про себя всю свою жизнь. Что она, Юлá, неприметный библиотекарь, каких много. Что ее это, собственно, никогда не смущало, потому что нет на свете интересней работы, чем в библиотеке. Что она даже была счастлива, хотя время ли сейчас говорить о счастье! Ей казалось, что она говорит, но губы шептали только: «...жить... жить... ».

Книжку Юлá увидела сразу, из последних сил дотянулась до нее и сняла с полки. Крепко прижав ее к груди, она замерла у стеллажа, и где-то между провалами в памяти ей пришло на ум, что военный этот, судя по книге, врач и что книгу, которая была у нее, она искала не напрасно...

Пора было спускаться вниз, и Юлá приблизилась к краю яруса. Над лестницей остановилась, посмотрела в темную пропасть фонда, лежавшую у ног, и шагнула вперед. И тут случилось такое, что перенесло ее на много лет в прошлое.

...Двадцатые годы. Огромный наплыв книг. В фонде теснота, книги складывают штабелями прямо на пол. Нужно обладать талантом эквилибриста, чтобы пройти между ними. Особенно тяжело снимать книги с верхних полок верхних ярусов. Стремянку ведь не поставишь. И библиотекарь, как обезьяна, карабкался, держась за поручни, наверх и вставал ногами на колеблющиеся перила. Лишь так можно было достать книгу. И чаще всего этим занималась Юлá. Была она тогда совсем юная и только начинала свой путь. И у нее получалось неплохо. И ее хвалили. Но однажды она сорвалась. И тогда тоже, падая камнем вниз, она на мгновение ощутила себя не человеком, а птицей...

Лейтенант посмотрел на часы, потом на пожилую сотрудницу. Та понимающе покачала головой:

– Что-то задерживается. Пойду узнаю.

Через несколько минут она возвратилась с книгой. Лейтенант взял книгу и собирался уже сесть за стол, но, бросив случайно взгляд на женщину, увидел ее дрожащие губы и глаза, полные слез.

– Что с ней? – спросил он с тревогой.

Но женщина, не ответив, отвернулась к окну. Лейтенант стоял у стола и смотрел, как под потертой шубкой старого библиотекаря в беззвучном плаче содрогались узкие плечи. Встали, обнажив головы, читатели: женщина с опухшим лицом, небритый старик и паренек в новеньком ватнике. В глазах паренька было столько боли, что лейтенанту стало не по себе.

Не могу сказать вам, как долго они стояли. Знаю только, что никто из них в тот день больше не занимался. Молча оставляли свои книги, молча собирали вещи. Не прощались. Зябко кутаясь, словно нехотя, выходили на улицу. Последним из кабинета медленно побрел лейтенант.

Чурсин В. Д. Январским днем : рассказ // В пятницу после семи... : сб. произведений участников лит. объединения «Выборг. сторона». Л., 1968. С. 102–111.